

логического лексикона» или сборника «Символы и эмблемы» Нестора Амбодика облегчали художникам аллегорическую зашифровку идей.

Этот тип классической аллегории был канонизирован Винкельманом в статье «Versuch einer Allegorie».

В поэзии Державина мы не раз встречаем аллегорические образы этого типа:

. . . и трость
Водимая умом обширным
Бессмертной пальмой обвилась. . .
(На приобретение Крыма, 1783.)

«Перо графа Безбородко, водимое по мыслям князя Потемкина, получило успех, т. е. через их совет приобретет Крым» («Объяснения» Державина):

«Стоглаву гидру разъяренну
И фурий бы с земель своих,
Чтобы гнала она геройски. . .»
(Изображение Фелицы, 1789.)

«Под стоголавой гидрой разумеются вызванные пугачевщиной восстания в разных местах России; под фурией — моровая язва и голод, происшедшие около того же времени» («Объяснения» Державина).

Конкретностью своего классового содержания оды Державина отличались от предшествующей им одической поэзии в той же мере, в какой изобразительные аллегории, исполненные по программам Львова, отличались от отвлеченной аллегорической живописи предыдущей эпохи.

* * *

Толчком к созданию «столового прибора», вероятно, послужили два великолепные сервиза, поднесенные Екатерине в 70-х годах, один — работы мейссенского завода, другой — венского. Оба эти сервиза не соответствовали ни вкусу, ни идеологии двора 80-х годов.

Сервиз мейссенского завода, посвященный морским победам России над Турцией, был исполнен в духе кокетливого «рококо» мастерами Кендлером и Асье. Центральная фигура столового прибора изображала Екатерину в виде Амфитриты, едущую на дельфинах и окруженную амурами. Амуры держали в руке буквы, составлявшие имя «Catharina». Если бы не эта надпись, было бы трудно угадать русскую самодержицу в обнаженной морской богине. Дополнявшие прибор фигуры богов Олимпа, муз и гениев не были ничем связаны с победами над турками.

Второй сервиз — берлинского завода — исполненный, повидимому, в честь комиссии нового уложения, был сделан в духе